

«Рассказы о жизни»: к проблеме нарративизации повседневности

Инна Емельянова

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

«... для того, чтобы самое банальное происшествие превратилось в приключение, достаточно его рассказать...; каждый человек – всегда рассказчик историй, он живет в окружении историй, своих и чужих, и все, что с ним происходит, видит сквозь их призму. Вот он и старается подогнать свою жизнь под рассказ о ней <...> Но приходится выбирать: или жить или рассказывать...»

Жан Поль Сартр. Тошнота.¹

I. Определение «рассказа о жизни»

Повседневность представляет собой такую область жизненной активности людей, которая всегда будет ускользать от научного взгляда исследователей. Ежедневные практики, пласт вербальных и невербальных действий, особенности взаимодействий людей друг с другом, – то, что является объектом изучения для исследователя повседневности, – образуют материал не статичный, но определенным образом организованный. Организация жизнедеятельности в конкретном обществе отличает живущих на данной территории людей от членов иного сообщества, позволяет им идентифицировать себя и координировать свои действия в окружающем жизненном пространстве. Кроме того, люди постоянно *проговаривают* свой опыт в процессе взаимодействия друг с другом. В том, *как, с кем и о чем* говорят люди каждый день, выражается их представление об окружающем мире и своем месте в нем.

Повседневные вербальные практики естественным образом не фиксируются в виде самостоятельного текста. Единственная возможность работы с

---

¹ Сартр Жан Поль. Тошнота. СПб, 2001. С.51-52.

текстовым вариантом разговора – запись интервью на диктофон с последующим транскрибированием, метод, достаточно давно использующийся этнологами, социологами, историками.

В ходе полевых исследований в одном из военных городков города Твери в течение 2001-2002 г. мне удалось провести и записать некоторое количество интервью. Особенностью этих бесед было отсутствие четкого плана и формальной схемы. Целью общения с жителями городка было не получение фактически достоверной информации о событиях жизни отдельного человека, а изучение специфики устройства быта в данном сообществе. Большинство информантов были из числа знакомых, что способствовало свободному и непринужденному ходу разговора: информант, по преимуществу, был предоставлен самому себе и рассказывал о своей жизни.

Транскрибированные тексты соотносятся с тем, что Д. Берто называет «рассказами о жизни», полученными в ходе биографического интервью. В таком интервью объем высказываний интервьюера сведен к минимуму (он лишь задает уточняющие вопросы или определяет общую тему разговора). Ход рассказа определяется самим информантом, равно как за ним же остается право на собственную манеру повествования, выбора тем и сюжетов для своего «рассказа о жизни»².

В «рассказах о жизни» человек заново «проживает» собственную жизнь в рассказе о ней. Это выражается в интерпретации прошлых событий, корректировке собственного «я» в ходе пересказа каких-либо ситуаций. Текст жизнеописания как бы двумерен: с одной стороны, речь идет о прошлом человека, а с другой, информирует «о современном состоянии сознания человека, его/ее ценностях, мировоззрении, убеждениях, чувстве идентичности»³. Альфред Шюц утверждал, что «человек в любой момент повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации», вследствие чего «каждая ситуация имеет свою историю»⁴.

«Рассказ о жизни» обладает целостностью, завершенностью и организован вокруг некоторой идеи, чего в самом жизненном процессе быть не может. Повседневность линейна и непрерывна. Для рассказа о ней эти свойства факкультативны: он строится на освещении лишь отдельных ключевых моментов, значительность которых определяется самим рассказчиком.

---

² См.: Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб., 1997, С.7. Термин «рассказ о жизни», или «life story», по утверждению Д. Берто, следует отличать от термина «история жизни» («life history»). «История жизни» имеет целью описание субъективного опыта переживания исторических событий, аспектом анализа текстов интервью являются, прежде всего, проблемы, связанные с социальной историей. В центре же «рассказа о жизни» – самоопределение человека, оперирование приобретенным опытом в повседневном течении жизни.

³ Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб., 1997. С.17.

⁴ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С.133.

Очень точно это свойство определил Жан Поль Сартр: «...когда ты рассказываешь свою жизнь, все меняется; только никто этой перемены не замечает, и вот доказательство: люди недаром толкуют о правдивых историях. Будто истории вообще могут быть правдивыми; события разворачиваются в одной последовательности, рассказываем же мы их в обратной. Нам кажется, что мы начинаем с начала. <...> Но на самом деле начинаешь с конца. Конец здесь, он присутствует здесь невидимкой, это он придает произнесенным словам торжественную значимость начала. <...> И рассказ разворачивается задом наперед: мгновения перестали наудачу громоздиться одно на другое, их подцепил конец истории, он притягивает их к себе, а каждое из них в свою очередь тянет за собой предшествующее мгновение»⁵.

Термин «нарративизация повседневности» связан с проблемой определения объекта повествования. В «рассказах о жизни» воссоздается не столько повседневное течение жизни, сколько выхваченные из нее отдельные события. Задача исследователя – продемонстрировать, каким образом повседневное, «рутинное» течение жизни может приобретать форму нарратива; выяснить, что служит материалом для рассказываемых ключевых моментов, и как это может быть использовано для изучения конкретного общества.

Подобные рассказы вполне можно услышать и в жизни – без специального интервью. Люди рассказывают друг другу «истории» своей жизни, прошлой и настоящей, и их можно считать частью повседневного общения. Подобные рассказы представляют собой развернутые высказывания повествовательного и сюжетного характера, возникающие в определенных ситуациях повседневной жизни. Сюжетность в данном случае усматривается, во-первых, относительно самих «историй», то есть, повествований о конкретных событиях, которых может быть несколько в одном интервью. А во-вторых, относительно интервью в целом, где вся жизнь предстает в виде некоторого сюжета.

В данной работе мы делаем попытку анализа данного материала как особой разновидности повествования⁶. Мы не будем следовать дедуктивной процедуре исследования, характерной для нарративного анализа: создание предварительной модели описания «рассказов о жизни» в нашем случае не было бы результативным по причине недостаточного объема собранного материала. Наиболее адекватным кажется индуктивный путь – изучение собранного материала с целью выделения конкретных разновидностей повествований и предварительного определения их специфики – структурной и содержательной. В

---

⁵ Сартр Жан Поль. Тошнота. С.52-53.

⁶ Определяя «рассказ о жизни» как «разновидность повествования», мы опираемся на терминологию Р. Барта (см. его раб.: Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С.387-423). Тем самым мы определяем статус записанных высказываний как повествование, то есть нарратив, и в тоже время не ставим их в один ряд с повествовательными жанрами – текстами художественных произведений.

содержательном плане нас прежде всего будет интересовать «логика сюжета», в понимании этого определения К. Бремоном⁷.

Повседневными нарративами мы называем рассказы о некоторых событиях, которыми обмениваются люди друг с другом в ходе повседневного общения. Мы осознаем разницу между записанными развернутыми ответами человека на вопросы исследователя и теми спонтанными разговорами, которые происходят каждый день между людьми. Интервью – не естественная разговорная практика. Но в нашем случае метод полевой работы в основном заключался в повседневном общении с членами изучаемого общества, и беседы с интервьюером были частью этого общения (с той разницей, что разговоры эти записывались на диктофон). Таким образом, мы будем исходить из предположения, что зафиксированные нами «жизнеописания» строятся по готовым схемам, освоенным вне жанра интервью, в повседневном общении. То, что «истории жизни» присутствуют в интервью, свидетельствует о том, что такие рассказы возникают именно в диалоге, то есть являются результатом совместного конструирования в ходе беседы.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку анализа повседневных нарративов с целью определения:

- их разновидностей на материале записанных «рассказов о жизни»;
- характерных для них коммуникативных стратегий;
- регулярно воспроизводимых тем повествования и ряда закрепленных за данной темой сюжетов;
- специфики событий в «рассказах о жизни»: какими признаками должно обладать определенное действие, явление, ситуация, чтобы рассматриваться в процессе «рассказа о жизни» как событие.

II. Разновидности «рассказов о жизни»

В зависимости от способа временной и логической организации текста, мы выделяем три вида «рассказов о жизни».

Первый вид – это повествования, воспроизводящие некое «общее знание» о миропорядке. В этой разновидности «повседневных нарративов» эксплицируется пласт стереотипов поведения и традиций, закрепленных в данном обществе.

Второй вид – это рассказы о конкретных событиях, случившихся в прошлом. Данный вид соотносится с первым как частное с целым, здесь происхо-

---

⁷ Ц. Тодоров выделили три исследовательских направления в изучении логико-временной организации повествовательного текста: логический (Бремон), лингвистический (Леви-Стросс, Греймас) и уровень действия (Тодоров). К. Бремон в своих работах опирался на «воссоздание синтаксиса человеческих поступков, воспроизведении последовательности «выборов», которым в каждой точке сюжета данный персонаж подчиняется», следовательно, раскрывается «логика сюжета, так как она берет персонажей в момент выбора ими действия» (цит. по: Ц. Тодоров. Поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С.402-403).

дит индивидуализация «общего знания», иллюстрация «общего положения вещей» конкретными случаями из жизни.

Третий выделяемый нами вид – это высказывания людей о том, как они живут в настоящий момент их жизни, попытка описать повседневные занятия обычного буднего дня. «Настоящее» в таких повествованиях может включать не только процессы последних нескольких дней. Оно способно охватывать временной отрезок в 3-4 года и больше, – в зависимости от того, как давно в жизни конкретного человека установился тот ритм жизни, который стал для него естественным, будничным, и поддерживается им по сей день.

Собственно «нарративными», в понимании этого термина современной нарратологии, являются рассказы о некоторых событиях, произошедших в прошлом. Это – «сюжетно-повествовательные высказывания, соотносимые с некоторой фабулой (историей, интригой)»⁸. В них четко вычлняются два события: референтное (событие, о котором рассказывается) и коммуникативное (событие самого высказывания)⁹. Эти рассказы, как правило, включаются в повествования первого выделенного нами вида. «Событийные» высказывания служат иллюстрацией для описываемых норм и традиций поведения, принятых в данном обществе, и используются для их подтверждения или опровержения.

Можно выделить два способа рассказа о прошлом. Первый – это хронологически последовательное изложение произошедших событий. Второй – описание событий, находящихся в причинно-следственной связи (в понимании этой связи самим рассказчиком).

Проблема временной и пространственной организации текста по-разному рассматривается в работах по нарратологии. Так, например, Р. Барт полагает, что сама структура повествовательного текста предполагает смешение временной последовательности и причинного следования событий, хронологии и логики¹⁰. Г. Форстер считает, что временные связи образуют собственно повествование, а причинные – сюжет¹¹. Той же позиции придерживается и Ц. Тодоров. По его мнению, временная, хронологическая организация в чистом виде преобладает в исторической хронике, летописи, частном дневнике, а

⁸ Шмид В. Нарратология русской литературы (цит. по: Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Вып.5. 2002. С.5).

⁹ О двойной событийности нарративного высказывания см.: М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М.,1975. С.403-404. «Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого высказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели). <...> Мы воспринимаем эту полноту в ее целостности и нераздельности, но одновременно понимаем и всю разность составляющих ее моментов».

¹⁰ Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. С.401.

¹¹ Цит. по: Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм «за» и «против». С.79.

В этом случае из следующих двух текстов первый являет собой образец повествования, а второй – сюжета: «король умер, и вслед за ним умерла королева», «король умер, и вслед за ним от горя умерла королева».

причинно-следственная структура текста в чистом виде свойственна каким-либо аксиоматическим рассуждениям¹².

Тексты жизнеописания, имеющиеся в нашем распоряжении, представляют два способа описания событий. Чаще всего именно «повествовательные» рассказы включаются в высказывания об общем укладе жизни. «Сюжетные» нарративы воспроизводятся в большинстве случаев после уточняющих вопросов со стороны интервьюера.

Повествования, воспроизводящие «общее знание», сами по себе не содержат описания конкретных событий. Их, на первый взгляд, можно считать «итеративными»¹³. Такие рассказы повествуют о «типичных» жизненных процессах. Они содержат обобщения, сделанные на основе повторяющихся событий, отдельных практик и, шире, приобретенного опыта за определенный период времени. Высказывания, в которых «референтное содержание <...> не наделяется статусом события», остаются вне предмета нарратологии¹⁴.

В рамках нашего материала подобные высказывания являются одним из видов повседневного нарратива. Для исследователя повседневной жизни в данном случае ценно коммуникативное событие самого высказывания (как и кто об этом говорит). К тому же именно такие обобщения, сделанные на основе житейского опыта, содержат информацию о регулярных практиках, установившихся в пределах изучаемого общества. Разумеется, люди могут говорить одно, а вести себя по-другому. Но по тому, как и что об этом рассказывается, можно сформировать представление о существующей в данном обществе шкале ценностей и норме повседневной жизни.

Референтным содержанием подобных высказываний является сам жизненный опыт, и он имеет статус сюжета в данном случае. Здесь также есть своя специфика. Рассказы об общем положении вещей нестатичны. Поясним, что мы имеем в виду под «нестатичностью».

Данные повествования опираются на некие жизненные события, опыт переживания которых и создал возможность осмысления человеком установившегося в конкретном обществе уклада жизни. Изложение этих событий не статично, каждый раз эти рассказы возникают в разговоре случайно и имеют множество вариантов. События, или ключевые моменты, включаются в рассказ в их развернутом виде при соответствующем развитии диалога с партнером. Толчком к этому становится или уточняющий вопрос собеседника, или желание рассказчика подтвердить / опровергнуть свою информацию.

В качестве примера приведу небольшой отрывок из интервью.

Инф. <...> Офицер вот уезжает, а вместо него заменик приезжает, следовательно, квартира освобождается, так все и...

¹² Тодоров Ц. Поэтика // Там же. С. 80.

¹³ В итеративных высказываниях «референтное содержание речи лишено событийности, но взамен наделено стабильностью и закономерностью естественных (природных) или нормированных (культурных) состояний и процессов» (См.: Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии. С.9).

¹⁴ Там же.

Мы вот в Батуми недолго прожили, только пять месяцев, получает-ся, прожили. И мужу предложили переехать оттуда. Приехал его за-менщик, который его когда-то менял в Чехословакии.

Соб. А что значит «заменщик»?

Инф. Вот мы уезжаем, вместо нас, вместо его должности, приез-жает человек. И мы так же на чье-то место приезжаем. Отслужив не-сколько лет там, за границей, он захотел вернуться обратно к себе на родину, откуда родом его жена, она из Батуми. И он нас опять же по-менял, только уже в Батуми, <...> и мы уехали в Подмоскowie, ждали распределения, а потом сюда вот, в Тверь. <...> В городках ведь люди сразу должны получать квартиру, когда переезжают. В Батуми до нас, люди рассказывали, через год, минимум, получают квартиры. С такими мыслями и понятиями о жилье, в общем-то, мы туда и приехали. Ждали год, год прошел, ждали второй, опять прошел, ждали третий, опять прошел, уже четвертый год – а мы все сидели без квартиры. вот то же самое случилось в Твери. <...> Мне пришлось пойти к командиру части, причем я даже мужу об этом не сказала. Я пришла просто на беседу, узнать вообще, какие перспективы получения нашей семьей квартиры, у меня вот двое детей, живем в маломерной квартире, полторке, вместе со свекровью. Пришла к нему с таким нормальным, спокойным разгово-ром. <...> В общем-то я так ходила по начальствам, даже с генералом пришлось как-то встретиться. Женщины в городках часто так делали: ходили с вопросами, начальство фамилии записывает, кто нуждается в чем...

Соб. И что он Вам сказал?

Инф. Он сказал: «Не волнуйтесь, все молят бога, чтобы городок был вовремя сдан. Если городок будет сдан, вы квартиру получите». Я гово-рю, спасибо, и ушла. Муж, конечно, немножечко меня поругал. Ему ска-зали, что я там была. Он думал, что я на работу прошусь. Это первая версия, которую он мне сказал. Я говорю, ничего подобного, я ходила уз-нать, когда мы получим квартиру <...>.

Данный отрывок демонстрирует попеременное использование инфор-манткой трех видов повествования. Первая фраза – высказывание о неком об-щем положении вещей: «так заведено» в военных городках. Далее, как под-тверждение этого правила, следует описание собственного жизненного опыта – в виде хронологического повествования. Уточняющий вопрос собирателя провоцирует высказывание из категории «так заведено» и, затем, – краткое об-ращение к сюжету, повествующему о судьбе «заменщика», причинах, побу-дивших его поступить именно так. Для подтверждения информации и объяс-нения не знакомой собеседнику ситуации информантка стремится использо-вать убедительные, с ее точки зрения, доводы. В данном случае, это ссылка на некий установленный порядок («так заведено») и пример из собственного жизненного опыта (она сама является свидетелем описываемого явления).

Далее опять следует перечисление событий за определенный промежуток времени. Последующее высказывание основывается на «общем знании», по-

черпнутым из опыта других людей («люди рассказывали»). Здесь оно выполняет функцию не подтверждения, а актуализации собственного «неправильного», негативного жизненного опыта. Хронологическое по форме изложение дальнейшей жизни информантки строится вокруг одного факта – неполучения в положенный срок квартиры. В данном случае такое перечисление событий является риторическим приемом: с его помощью выражается недовольство и раздражение информантки подобным стечением обстоятельств. Далее следует небольшой рассказ о конкретном событии – походе к начальству мужа. Для подтверждения правоты совершенных действий информантка ссылается на то, что «все женщины в военных городках так делают». Уточняющий вопрос собирателя заставляет ее вернуться к рассказываемой истории и закончить ее.

«Рассказы о настоящем» представляют собой отдельные высказывания, которые выглядят как простое перечисление незначительных, с точки зрения рассказчика, действий, как хроника обычного дня. Такие высказывания можно свести к следующей формулировке: *«я переживаю в рассказе то, чем и как я в настоящий момент живу»*.

Если в «рассказе о прошлом» ткань повседневности составляют события в их оформленном сюжетном виде, то в высказываниях о настоящем такую роль выполняют собственно практики повседневности. Каждое из них, по сути, является событием в рамках этой повседневности. Их описания, как правило, служат основой для обмена информацией между людьми в конце каждого дня – в семье, среди друзей и знакомых. Такие описания формируют «сюжет одного дня».

Приведем пример подобного высказывания:

Соб. Можете рассказать, как проходит Ваш обычный день?

Инф. У меня много информации на этот счет нет... Полдня – на работе, утром встаю, семья собирается, все уходит – кто куда. Я прихожу на работу, и полдня до двух – я на работе. А после работы чаще всего – заботы домашние, хлопоты... Приходит сын, расспрашиваю, как дела у сына, кормлю его обедом, перекусываю сама, навожу порядок, который утром был нарушен всеми, потому что утром все - бегом, бегом, спешат, ...навожу порядок, остается там немного времени для приезда мужа, потому что с двух до шести... это четыре часа, ну час уходит – туда, сюда, иногда полчаса – прихожу когда не ровно в два, а в пол третьего, значит еще меньше времени... Там уже, сын отдохнувший, делает уроки, и я одновременно проверяю его уроки, контролирую, подгоняя, что-то он приносит проверять – проверяю, обратно отсылаю переписывать... я в это время нахожусь на кухне, что-то соображаю на ужин. Не успеваю оглянуться, как уже наступает ужин. Т.е. муж приезжает с работы, голодный – нужно пораньше кушать...

Вести в рассказ синхронный срез существования не всегда представляется возможным. И это, в частности, видно из приведенного отрывка беседы с информантом. Во-первых, само высказывание на эту тему было спровоцировано исследователем, а во-вторых, информантка изначально оговаривается,

что «много информации у нее на этот счет нет».

Как правило, люди воспроизводят в рассказе уже осмысленные ситуации и события. Отсюда – иллюзия бессобытийности настоящей жизни. Иллюзия – потому что этот же самый день, возможно, через некоторое время будет «пережит» в «рассказе о прошлом». Скорее всего – в другом контексте, согласно которому события будут перечислены в ином порядке, чем они произошли на самом деле, а главное – история будет иметь «начало» и «конец»¹⁵.

При изучении записанных текстов мы заметили одну особенность. Практически все информантки (особенно старшего возраста) идеализируют прошлое, отмечают, что «тогда» жизнь была ярче, интереснее, насыщеннее: «всегда что-то происходило». «Сейчас» же, по их мнению, ничего не происходит: жизнь однообразна, «все одно и то же» повторяется изо дня в день.

Что же изменилось? Неужели за 5-6 лет среда и окружение настолько стали другими, что настоящая жизнь стала скучна и однообразна? Разумеется, за эти годы произошли определенные реформы в социально-политическом плане, что не могло не отразиться на российской армии. Изменился облик военных городков, среди его жителей стало больше гражданских людей, соответственно «единая военная семья» стала уже не такой сплоченной, как раньше, у людей появились иные приоритеты и т.д. Но, полагаем, что дело не совсем в этом.

Приведем в качестве примера небольшой отрывок из интервью:

...сейчас как-то почему-то поменьше мы гуляем, поменьше... не знаю, устает муж сильно на работе, заботы... Раньше – и шить, и гулять с ребенком, и ходить по магазинам, и вовремя приготовить мужу еду, еще сбегать на склад, постоять в очереди... почему-то день был длинней, мне так казалось в молодости. <...> но тем не менее, праздники постоянно какие-то, гуляли, весело было.

Сейчас – не могу понять. Сейчас – накормить, приготовить, бытовые какие-то заботы... Они, мне кажется, ...мы погрязли в них. Неимение денег, уборка, проблемы с ребенком... в общем-то, много информации у меня нет насчет того, как у меня сейчас жизнь происходит.

Отметим: в качестве каждодневных событий при характеристике «раньше» и «сейчас» называются одни и те же практики. При этом информантка уверена, что «сейчас» все по-другому.

В рассказах о прошлом речь идет о конкретных событиях, неких ключевых моментах жизни, повлиявших на общий ход жизни, ставших поворотными в судьбе человека, с его точки зрения. Отсюда – представления о насыщенности и яркости «прошлой жизни».

¹⁵ В качестве примера приведу образное толкование течения повседневности Ж.П. Сартра: «Пока живешь, никаких приключений не бывает. Меняются декорации, люди приходят и уходят – вот и все. Никогда никакого начала. Дни прибавляются друг к другу без всякого смысла, бесконечно и однообразно. <...> складываешь часы и дни. Понедельник, вторник, среда. Апрель, май, июнь. 1924, 1925, 1926» (Сартр Ж.П. Тошнота. С.47).

«Настоящий» процесс жизни состоит из ряда возможностей, вариантов тех или иных поступков. Отсюда – достаточно размытое представление о том, какая именно последовательность ситуаций может стать событием.

Говоря же о прошлом, мы уже имеем и воспроизводим более или менее четкие представления о героях произошедшего. Мы знаем, как началось и как закончилось конкретное происшествие, в рассказе вспоминаем какие-то детали, которые обретают свою значимость именно сейчас – в момент рассказа. Мы имеем дело с определенным однократным событием, имеющим четкие пространственные и временные границы. Совсем не исключено, что рассказанное событие в определенное время имело вид часто повторяющихся практик с множеством сопутствующих деталей и вариантов. Но со временем данное действие приобрело форму одного конкретного вида деятельности и в рассказе осмысливается как событие в рамках соответствующего контекста.

Сделаем несколько выводов.

Все рассмотренные нами виды «рассказов о жизни» относятся к повседневным нарративам, но не все можно дать определение собственно рассказа. Таковыми являются только повествования о конкретных событиях, то есть имеющие в своей основе некий сюжет.

Высказывания, воспроизводящие «общее знание», последовательное описание жизни за некоторый промежуток времени, а также описание хроники дня мы определяем как повествование (в терминологии Г. Форстера и Ц. Тодорова) несюжетного характера.

В чистом виде ни один из выделенных видов «рассказов о жизни» практически не встречается. В повседневном разговоре высказывания собеседников всегда сочетают в себе все разновидности.

Отдельная проблема, требующая специального рассмотрения, – выявление ситуаций, характерных для высказываний, в которых тот или иной способ повествования будет доминировать. Пока имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет произвести подобный анализ. Можно сделать только небольшое наблюдение.

В ходе интервью высказывания «о настоящем» не возникали без специальных усилий со стороны исследователя, в отличие от повествований, воспроизводящих «общее знание», и рассказов о событиях прошлой жизни. Это можно объяснить тем, что в беседе с интервьюером (пусть даже знакомым) люди старались рассказать о «значительном» в их жизни. Описание повседневной деятельности, если ничего выходящего за пределы привычного не происходит, по их мнению, выглядело бы однообразно и скучно.

При этом подобные высказывания являются самой распространенной разновидностью повседневного нарратива в рамках непосредственного повседневного общения. Люди рассказывают близким родственникам или друзьям, как прошел их день, чем они занимались этим утром, днем или вечером. Такие разговоры не требуют особой ситуации или атмосферы, следовательно, происходят чаще. Подробный же рассказ о конкретном событии прошлой жизни требует особой обстановки и круга людей. К тому же беседа, в ходе которой люди делятся друг с другом событиями дня, происходит, как правило, не в публичном пространстве, а в приватном – чаще всего дома или во дворе, около

подъезда. А интервью – это, все-таки, действие публичного характера.

III Событие и его интерпретация в «рассказах о жизни»

Целостность и относительную устойчивость отношений в человеческом обществе обеспечивает система норм, определяющая предел, меру, интервал допустимого поведения. Некая шкала ценностей, имеющая значение для членов конкретного общества, определяет формы повседневной жизнедеятельности, формально не закрепленные в конкретном сообществе. Это – оценочные суждения, обычаи и традиции, связанные с толкованиями «нормы» и «аномалии». Система норм складывается в результате их многократного повторения, в ходе становления «привычного», становящегося естественной потребностью людей.

Ю.М. Лотман определял событие как «значимое отклонение от нормы»¹⁶. Норма же – понятие не универсальное, по-разному определяемое в рамках различных сообществ и культур.

Представления о норме у людей одного сообщества формируют область «общего знания» о некоем миропорядке – статичном и непреложном. Каждый новый человек для того, чтобы стать полноправным членом сообщества, должен приобщиться к «знанию» как некоей истине.

В повседневном нарративе это «общее знание» эксплицируется в рассказах соответствующей разновидности, выделенной нами в предыдущем разделе. В них воспроизводится представление об «общей судьбе» военных как профессионального сообщества.

Нарративы, которые мы анализировали, принадлежат женам военнослужащих, соответственно, все наблюдения и выводы будут относиться к «судьбе жен офицеров».

Роль начала в рассказе выполняет, как правило, описание поворотного события для женщины – выхода замуж. Характерно, что отношение матери к выходу ее дочери замуж за военного выражается в том, как она оценивает «жизнь в скитаниях». В этом случае уход девушки из родительского дома означает только одно: отказ от собственной карьеры, от собственного дома, полное подчинение стилю жизни мужа, связанному с его профессией. Отношение матери к этому событию может быть как отрицательным, так и положительным.

Она (мама) говорила, постоянно говорила: «Я б не хотела, чтоб ты вышла замуж за военного, потому что... ты будешь скитаться, <...> потому что сама поскиталась мама, поэтому не хотела мне той же судьбы. <...> Она мечтала, чтоб я жила в том же городе, получили там квартиру, чтобы я удачно вышла замуж, чтоб у меня была квартира...

Разговору о том, что – о гражданском, не было разговору! Я уже жила в этой стихии военной, для меня было все настолько близко, даже

---

¹⁶ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. С.283.

мысли не было, что у меня муж когда-то будет не военный. То есть я уже морально уже даже была настроена, и мамой, – это судьба просто вот, судьба так повернула, что я была знакома с молодым офицером.

Для женщин из семей военных данное событие, по их словам, не влечет за собой резких изменений в жизни. Этот факт осмысливается как событие, в первую очередь, в личном контексте информантки. *«Это судьба», «судьба меня с ним познакомила»* – тем не менее, говорит она. И в ее рассказе характеристика событий происходит под углом их неотвратимости: *«по-другому просто не могло произойти – раз ты жена военного»*.

Ключевыми моментами жизни жены офицера считаются: ранний (чаще всего) выход замуж, рождение детей (в первые же годы брака), постоянные переезды из одного военного городка в другой, каждодневное преодоление трудностей, связанных с отдаленностью городков от административных центров, неимение работы, а следовательно, в большинстве случаев пожизненная профессия домохозяйки.

Переезд для гражданского человека является событием, причем поворотным в его личной судьбе. Для членов семей военных это вполне прогнозируемый и неизбежный факт. В рамках *«общей судьбы»* смена места жительства, с одной стороны, – явление обычное, даже можно сказать, «рутинное». *«Жизнь на чемоданах», временное жилье, отсутствие собственного «домашнего очага»* – все это темы, составляющие представление об общей судьбе военных.

Несомненно, факт смены места службы офицера является событием в жизни всей семьи, но событием, не выходящим за рамки привычного хода вещей. При этом существует боязнь перехода в статичное состояние «раньше времени» – попасть в такое место, откуда «не выбраться». Считается, например, что Закавказье и Дальний Восток – глухие места, *«оттуда люди с трудом выбираются»*.

Переезд не влечет за собой перемены жизненной среды. Существует *«знание»* о типах военных городков, иерархии его жителей, условиях взаимоотношений между людьми, обычных видах повседневных практик. Развитие событий прогнозируется в соответствии с этим знанием. Ситуация, идущая вразрез с «общей линией судьбы» рассматривается уже не просто как событие, а как негативное событие.

Например, если при переводе на новое место службы офицер не получает квартиры, и семья вынуждена решать эту проблему самостоятельно, данная ситуация определяется как экстремальная. Офицер в данном случае должен принимать всю ответственность на себя, и это не соответствует «норме вещей».

Для рассказов на эту тему характерны, в частности, высказывания такого типа: *«всем дают квартиры, а нам не везет»*. Происходит осознание выпадения из общепринятой схемы следования событий: *«нам не дана судьба»*.

Если «сюжет выхода замуж» служит началом жизнеописания жены военного, то событие ухода военнослужащего на пенсию описывается в конце. Обретение своего дома, собственной постоянной квартиры, стабилизация в мате-

риальном и моральном планах свидетельствует о правильном завершении жизненного цикла офицера и членов его семьи. Свой дом, выслуга лет, получение достойной пенсии – это то, к чему стремились на протяжении всей жизни сам военный и его жена. В зависимости от возраста, рассказчица по-разному определяет свое положение и ожидания на данный момент жизни. Так, например, если муж – старший лейтенант, то ждать получения хорошей квартиры и выбора постоянного места жительства не следует. Это норма «жизни военных». Но если это не достигнуто к концу службы офицера, данная ситуация оценивается отрицательно: это уже «не судьба».

Интересно, как в рассказе одной информантки о событиях пятилетней давности описывается досрочное увольнение мужа из армии. Причиной этого поступка стали неблагоприятные последствия реформы армии. После этого произошли существенные изменения в жизни данной семьи. В материальном плане все сложилось вполне благополучно, но резко испортились отношения с людьми, живущими в этом же военном городке. С точки зрения представлений об общей судьбе военных, в данном случае произошло важное событие: офицер сознательно отошел от предназначенного ему пути, он сделал выбор не в пользу выбранной когда-то профессии, к тому же обрел статичное состояние (постоянное место жительства) раньше положенного срока. Это – отход от общепринятой нормы, следовательно, поступок был воспринят окружающими негативно.

В сознании современных жителей военных городков еще живо представление об установленном жизненном цикле, когда на определенных этапах службы офицера семья имеет право на конкретные блага и ресурсы. В случае преждевременного завершения этого цикла (как это все чаще происходит в современной армии), начинается «новая жизнь» – с соответствующими начальным сюжетом и представлениями о конечных целях жизненного пути. Эта «новая жизнь» не всегда соотносится с представлениями об «общей судьбе военных», что зачастую приводит к разрывам старых связей и смене окружения.

Одно и то же событие может быть оценено по-разному в различных контекстах. Так, например, в рамках общей традиции, установившейся в военных городках, празднование Нового года в Доме офицеров считается нормой и общепринятой практикой. Но для членов отдельной семьи подобное поведение традицией может не являться, следовательно, празднование Нового года в Доме офицеров станет для этих людей событием вдвойне: факт самого праздника и факт его празднования в необычной для них ситуации. Это пример того, как регулярно повторяющееся событие, имеющее форму традиции, способно осмысливаться носителями данной культуры как событие ненормированное в более узком, например, семейном, контексте. Хотя при этом люди, как правило, отдают себе отчет, что их практика не совпадает с традиционной.

Это хорошо видно в следующем высказывании на тему праздников:

А на Новый год стараемся собираться в кругу близких, чтоб были родители – мы уже сколько лет встречаем вместе. Ну, вообще мы очень часто в школе как-то собираемся, ну и, наверное, как-то в нашей жизни не сложилось, чтоб мы на Новый год ходили в большие крупные компа-

нии, и даже живя в городках, когда там (в военной части) постоянно отмечали – чаще всего мы отмечали с близкими друзьями. Не сложилось у нас в семье такой традиции.

На протяжении рассказа (о далеком или не очень далеком прошлом) рассказчик может последовательно отмечать те или иные экстремальные ситуации, в которые он попадал в своей жизни. При этом последовательное описание действий, которые предпринимал человек в ходе преодоления возникших затруднений, может в процессе рассказа привести самого информанта к осмыслению данной ситуации как самостоятельного события. Материалом для «сюжета» становятся конкретные практики автора-героя рассказа. В целом данная ситуация оценивается как событие.

Основными стратегиями становятся: акцент на возникших трудностях (часто – даже некоторое их преувеличение), описание самого автора-героя в данной ситуации (состояние, окружение) и детальное описание действий, которые предпринял рассказчик.

Самым распространенным сюжетом для подобных историй становится описание военного городка, расположенного далеко от «цивилизации», что обуславливает проблемы с доставкой продуктов и соцобеспечением. Описание практик, которые люди предпринимали в данных экстремальных условиях, становится организующим центром рассказа.

В качестве примера приведу отрывок из рассказа информантки:

Я въехала в конце января где-то 95-го, где-то 20 января. Я как раз училась еще, на заочном, заканчивала, <...> замуж вышла и перевелась на заочное отделение. А что здесь было, в городке в первые месяцы жизни! Сейчас расскажу! Сейчас умрете со смеху! Вместо асфальта, как раз январь такой не морозный, а слякотный был, – мокрый снег с дождем! Машины грузовые с того конца городка постоянно возили какие-то там стройматериалы, разносили эту грязь, и вот мы шли по щиколотку в грязи, в такой глиняной жиже мы ходили... Выходишь – там такая лужа большущая, вот где сейчас маленький магазинчик. И вот в этой луже постоянно тряпочки лежали. Я вот выхожу из городка – по щиколотку рыжие сапоги, мою их в луже этой – и иду в город. Помыл сапоги – и в город. А транспорта нет, так мы пешочком <...> мы так дорог уже много отыскали. Через деревню, через автостоянку... Пока идешь, ларек там какой, магазин... У нас же в городке ничего тогда не было <...> Магазинов никаких, какие магазины?! Ничего вообще! Мы из города возили и картошку, и морковку, мясо <...> И школы не было, мы детей через овраг в школу в микрорайон возили.

IV. Заключение

Наша цель заключалась, прежде всего, в том, чтобы показать, каким образом анализ повествования, с точки зрения его структурных особенностей, может быть полезен для исследователя повседневной жизни конкретного обще-

ства. Мы не стремились провести нарративный анализ в его классическом виде. Создание структурной модели описания повседневных нарративов не входило в задачи данной работы. Более продуктивным стал анализ содержания с точки зрения его организации в тексте.

Определение разновидностей «рассказов о жизни» можно рассматривать как один из возможных аспектов дальнейшей работы с собранным материалом. В частности, идея освоения различных повествовательных стратегий жизнеописания в ходе повседневного общения требует специального рассмотрения повседневных нарративов, определения схем высказываний и их места в каждодневных речевых практиках.

Анализ событийного плана «рассказов о жизни» был направлен, в первую очередь, на выявление ситуаций и моментов повседневной жизни, которые становятся ключевыми, общезначимыми для членов изучаемого сообщества. Описание этих событий, историй из жизни следует считать средством нарративизации повседневности.